

ОТ ТЮРЬМЫ К МОДЕЛИ БЕЛАРУССКОГО ОБЩЕСТВА*

Екатерина Лицкевич

FROM PRISON TO A MODEL OF BELARUSIAN SOCIETY

© Katsiaryna Litskevich

PhD in sociology.

Abstract: This analytical essay is a fragment of the research devoted to the analysis of the organization and way of life and social relations in modern Belarusian penitentiaries after August 2020. The study proposes to consider the world of the Belarusian prison as a social model, which the Belarusian authorities are actively unfolding in modern Belarus. This model manifests itself especially in the situation when a large number of political prisoners appear in prisons, which creates situations of confrontation between two worlds. The author consecutively examines several lines of tension in the lifestyles and actions of two colliding worlds: identity and self-image, critical thinking, minority (Unmündigkeit), community connections and relations, the private and the public. The conclusion gives a general characterization of this social model and examines the phenomenon of communal sociality as a basic element for the formation of this kind of systems in the modern world. The research is based on the reflection of the author's personal experience.

Keywords: political prisoners, organized criminal network, prison, identity, self-image, communal relations, minority (Unmündigkeit).

* Эссе подготовлено при поддержке проекта Science At Risk Emergency Office и Федерального министерства иностранных дел Германии. Текст публикуется под псевдонимом по соображениям безопасности.

“Раньше все было по-другому. Испортили тюрьму!”. Сокрушаются сотрудники следственного изолятора, вспоминая “старые добрые времена”, когда система работала по давно установленным и понятным правилам. Изменения случились в 2020 году, когда СИЗО, колонии и тюрьмы наполнились “политическими”. Само количество политических заключенных и те сроки, на которые их поместили в исправительные учреждения, серьезным образом повлияли на устройство жизни в данных местах.

Одной из характеристик белорусской пенитенциарной системы (и, вероятнее всего, не только белорусской) является своеобразный симбиоз ее участников. Значительная часть арестованных и осужденных является постоянным контингентом исправительных учреждений. “Тюрьма” — это часть их образа жизни, в котором циклически чередуются аресты, отбывание наказания, надзор. Эта жизнь подчинена писаным и, главное, неписаным правилам тюремной системы и заданным в ней иерархиям, в результате чего перестраиваются в том числе личные и семейные отношения всех задействованных в системе. И вот этот мир, который обычно поглощал всех попадавших в него, встретился с нашествием Иных¹.

Большинство заключенных по политическим статьям никогда ранее не попадали в тюрьмы, колонии, следственные изоляторы и т.д. Им только из книг и фильмов было известно, как функционируют подобные учреждения. Оказавшись внутри, они столкнулись с совершенно чуждыми и непонятными нормами, порядками и даже языком. Но за этой фактической, бытовой чужеродностью стоит гораздо более глубокое противоречие: причиной заключения данных людей являются не преступления, а сам их образ жизни, их взгляды и ценности. И, несмотря на формальную криминализацию этого образа мыслей и соответствующих ему поступков, особость политических заключенных осознается всеми участниками пенитенциарной системы.

Тысячи заключенных по политическим мотивам — это еще и серьезное напряжение для всех звеньев системы исполнения наказаний. Переполненные места заключения — это не только теснота и неудобства для тех, кто находится в камерах, но и постоянные очереди: на помещение в карцер или на отправку в исправительное учреждение открытого типа. Это и многократное увеличение объема передач и писем, частота посещения адвокатов, количества жалоб, заявлений и других бюрократически

1 “Иной” в данном случае — обозначение такого качества и глубины различий в картине мира и образе жизни, которые делают крайне сложными со-существование, коммуникацию и взаимодействие без специальной рефлексии инаковости и дополнительных усилий.

обременительных, хоть и безрезультатных, действий. Это просачивающаяся наружу информация о внутренней жизни исправительных учреждений. Чтобы переварить новые обстоятельства, система была вынуждена если не перестроить свою работу полностью, то, по крайней мере, выработать новое отношение и инструкции. “Я бы вообще письма отменил. Были бы только передачи, как раньше. А то вы видели эти мешки? Если бы вам писали только родственники. Там же... полстраны пишет!” — сокрушался один из офицеров после жалоб заключенных на отсутствие корреспонденции.

Для “политических”, в свою очередь, массовость присутствия и приверженность своим взглядам и образу жизни позволяет не просто сохранять собственную картину мира, нормы поведения и ценности, но и чувствовать себя особой группой, имеющей собственную (хоть и инородную для этой среды) идентичность. Таким образом, политические заключенные сегодня составляют видимый сегмент среди всего контингента исправительных учреждений Беларуси, приведя в места заключения новый социальный слой, а точнее — сделав его там более представительным и заметным.

Дальнейший анализ строится на полагании, что социологическое измерение изменений внутри мира белорусской тюрьмы является отражением общих социальных процессов². Ситуация 2020 года характеризуется не только политическим протестом, но и лежащим в его фундаменте общественным кризисом — столкновением различных социальных слоев или миров и реакцией на ту форму “разрешения общественных противоречий”, которую стала реализовывать белорусская власть.

В этом контексте большинство белорусских политических заключенных не являются сознательными представителями оппозиции, как это было в прежние годы сопротивления режиму, а скорее представителями определенного социального класса или слоя, возникшего в результате глобальных преобразований. Именно образожизненные основания стали той внутренней силой, которая в острой политической ситуации 2020 года сделала возможным массовый протест. Они проявили зреющий разлом

2 Методологически связь между миром тюрьмы и обществом в целом видится как аналогия, имеющая эвристический потенциал. Здесь мы можем наблюдать как практики противостояния двух миров, так и концентрированный и в чем-то гипертрофированный вид социальных отношений, который может быть перенесён на все общество как естественное продолжение и экстраполяция “работающих” структур в условиях вакуума обоснования общественного устройства. Данное полагание является гипотезой, развитие и проверка которой, требуется в последующей работе.

в белорусском обществе, который лежит не в политических предпочтениях, а в картине мира.

Сейчас в белорусских тюрьмах сталкиваются два мира, каждый из которых проявляет в этом столкновении свои характерные черты, что представляет антропологический, социологический и культурологический интерес и позволяет лучше понять наше общество. Одновременно это столкновение можно, с определенной долей условности, рассматривать как модель белорусского социума в ситуации разворачивающегося кризиса, который требует разрешения как общественными, так и политическими средствами. “Тюрьма” здесь, не просто место для локализации противников власти. Это еще предлагаемая государством модель обустройства отношений между представителями различных миров в меняющемся белорусском обществе. В этой модели разнообразие поглощается общим новым порядком, который не ограничивается тюремными стенами, а претендует на дальнейшую экспансию.

Представленное исследование — это шаг в направлении анализа данной модели с помощью средств социокультурной антропологии или микросоциологии, где за повседневными практиками обнаруживается устойчивая структура общественных отношений. Оно основано на результатах рефлексии личного опыта автора.

Прежде чем перейти к анализу данной модели, необходим ряд оговорок. Во-первых, необходимо хотя бы рамочно охарактеризовать сталкивающиеся миры и ту форму, в которой сегодняшнее белорусское государство пытается их собрать. В 2017 году Владимир Мацкевич писал об окончательном оформлении белорусского режима как организованной преступной группировки, или организованного преступного сообщества (ОПС). И в этой констатации для философа было важным не заклеить преступления режима звучным термином, но уловить ключевую характеристику его генезиса от момента первых президентских выборов до настоящего времени как системы, построенной на нескольких важных основаниях (Мацкевич 2017).

В этой системе альтернативой общественного договора выступают воля и сила. Руководство инстинктами, страстями и желаниями играет ведущую роль, а разум — подчиненную: он используется для поиска путей удовлетворения желаний, преодоления препятствий и избегания наказаний. Правила и нормы задаются параллельно формальным законам, и жизнь строится в первую очередь “по понятиям”. Кроме того, ОПС не ограничивается ее членами, непосредственно действующими в преступных целях. Она подчиняет себе деятельность широкого круга людей, живущих на контролируемой территории, и даже целых учреждений

и институтов, ставя их функционирование себе на службу, деформируя их изначальное устройство и назначение. Мы полагаем, что именно модель ОПС является тем “ответом” белорусской власти на обнаруженный социальный разлом, распространение иного образа жизни, который угрожает утрате политического и социального контроля.

Следует охарактеризовать и другую сторону – представителей другого мира, противостоящего ОПС как в условиях тюрьмы, так и в белорусском государстве в целом, и оказавшегося в положении инородного тела, которое необходимо подчинить общей системе. Этот мир собирает в себе людей, имеющих различные взгляды и образ жизни, но его обобщенной характеристикой может быть концепт “открытого общества”, то есть направленность на развитие, чувствительность к новому, принятие разнообразия. Эта довольно общая характеристика не претендует на категоричность и необходима здесь как собирательный образ Иного.

Во-вторых, следует оговориться о водоразделе между двумя мирами. Может показаться, что он проходит по политическим статьям, но это не так. Политзаключенные в их сегодняшнем количестве лишь сделали носителей ценностей открытого общества видимыми для пенитенциарной системы и вынудили ее на себя реагировать. К представителям же ОПС можно отнести абсолютно всех работников всех учреждений данной системы. Возможные исключения будут лишь подтверждать правило: после 2020 года в системе могли остаться лишь те, кто принял правила ОПС. Представителями этого мира являются и заключенные (осужденные), симбиотические связанные с системой.

В-третьих, идея увидеть в тюремных реалиях общественную модель может показаться сильной натяжкой. Однако для такого интеллектуального хода имеются несколько оснований. Машина политических решений и силовых действий для нейтрализации протеста за три года превратилась в машину по уничтожению условий, возможностей и инфраструктуры для реализации разнообразия образов жизни. Если многие годы белорусская власть в большей или меньшей степени маргинализировала свободную мысль, независимые инициативы, инаковость, выталкивая из систем образования, культуры и бизнеса, при этом оставляла хоть и полузаконные, но возможности выживания и воспроизводства. То после 2020 года таких социальных лакун для тех, кто не проявляет лояльность, кто не встроен в государственную систему, практически не оставляют. Для них есть всего четыре локации: тюрьма, эмиграция, депрофессионализация или подполье. Огосударствление всех сфер происходит стремительно и беспощадно, отсутствие нелояльности больше не является достаточным для человека в системе. Теперь его лояльность и принадлежность

требует проявления и подтверждения. Этот процесс позволяет принять предложенное отождествление тюремной системы и общества в целом как рабочее.

Каковы значимые различия, линии напряжения или противостояния в образе жизни и действия двух столкнувшихся миров?

Идентичность и образ “Я”

Переступив порог любого из учреждений системы исполнения наказаний, ощущаешь, что весь твой жизненный мир попадает под разрушающее воздействие. Меняются пространство и организация времени. Язык, символы и знаки, создающие среду, пугают своей непонятностью, а потеря привычных культурных кодов дезориентирует. Но это не просто смена обстановки — это вхождение в другой мир, который сразу же пытается подчинить себе любого Иного.

Первым объектом атаки является идентичность — представление человека о себе, образ “Я”. Все начинается с номинации, обозначения, имени и способа обращения. Здесь у людей нет имен, здесь есть “осужденные” — это то, что неустанно повторяется и навязывается не только в отношениях между осужденными и администрацией или в обращении заключенных друг к другу, но прежде всего в самоназывании, в обозначении себя. При любом обращении к работнику учреждения вначале необходимо сказать “осужденный/осужденная такой-то”, а затем, в зависимости от ситуации, изложить свою просьбу, обращение или “полный рапорт”. “Полный рапорт” — это все сведения, определяющие нынешнее положение человека, отбывающего наказание: когда, где и каким судом был осужден, по какой статье, вид и срок наказания (ограничение или лишение свободы). В зависимости от обстоятельств осужденный произносит этот рапорт от одного до нескольких раз в неделю. Любой, даже самый пустячный вопрос, требующий обращения к администрации, требует такого “полного” представления. Он не несет никакой информационной нагрузки, поскольку работники обычно не имеют необходимости знать все эти подробности, а при возникновении такой необходимости могут найти любые данные в документах или иным образом навести справки. Основные же цели рапортов — это дисциплина (исполнение ритуалов независимо от их содержания) и формирование идентичности через осознание и принятие человеком своего “Я”, определяемого посредством места в той новой системе отношений, в которой человек оказался.

“Я здесь четыре месяца, а у меня такое чувство, что ничего до этого у меня не было. Как будто моя жизнь — это то, что здесь.

И все, ничего другого”, – так описывает свои ощущения одна из осужденных. Такая глубокая идентификация со своим актуальным вынужденным положением – результат не только распорядка жизни, захватывающего всю повседневность человека, но и практик воздействия на его идентичность со стороны работников исправительного учреждения. Очевидно, что первостепенной задачей является встраивание “новенького” в существующую систему отношений, потому что с принятием себя в статусе и образе осужденного упрощается принятие и всех действующих в учреждении правил и норм поведения, включая меры принуждения.

Такое внимание к образу “Я” связано с тем, что идентичность является одним из ключевых элементов картины мира: она структурирует систему социальных отношений и взаимодействий, является одним из якорей всей общественной системы как форма принятия ее. Различия в идентичности маркируют представительей двух миров. Причем эти различия обнаруживаются не только в содержательном наполнении идентичности (ответах на вопрос “кто я?”), но, прежде всего, в структуре и взаимной организации этих “Я”. И мир современной белорусской тюрьмы дает возможность обнаружить эти различия.

Если рассматривать идентичность как комплекс образов “Я”, то этот комплекс будет включать элементы идентичности личной и социальной. Первая собирает в себе те представления, которые связаны с осознанием человеком своей индивидуальности (различного рода самоощущения, связанные с телесностью, характером, психологическими особенностями). Социальная же идентичность складывается из совокупности принадлежностей к различным группам, большим и малым сообществам. Эти группы могут быть очень разными по размеру и степени абстрактности: от семьи и коллег по работе (то есть тех, кто находится в непосредственной близости и постоянном контакте с человеком) до профессионального сообщества, сообщества граждан страны и людей определенных политических взглядов. Структура идентичности обычно предполагает более высокую значимость принадлежности к ближнему, осязаемому кругу. Однако в определенных ситуациях принадлежность к абстрактным, или “воображаемым”³, сообществам может оказывать большее влияние на принимаемые человеком решения и совершаемые им поступки.

3 “Воображаемые сообщества” – концепция в рамках теории нации, разработанная британским политологом и социологом Бенедиктом Андерсоном в одноименной книге (Андерсон 2016), в которой он рассматривает нацию как социально сконструированное сообщество, воображенное людьми, воспринимающими себя как его часть.

В нашем случае различие двух миров можно обнаружить в соотношении личной и социальной идентичности.

Для представителей мира властвующей системы (далее я буду называть его “миром организованного преступного сообщества” или “миром ОПС”), в который включены как работники этой системы, так и “типичные” осужденные, ведущей является личностная, индивидуальная идентичность, в которой понимание себя сконцентрировано на собственной телесности, чувствах, настроениях, потребностях и воле. При этом социальная идентичность, связывающая человека с группами, сообществами или деятельностными позициями, развита крайне слабо. Она имеет ситуативный, прагматический характер и поэтому очень пластична. Можно сказать, что представители мира ОПС — это практически голое “Я”, чистое эго, не обремененное социальными идентификациями и связанным с ними комплексом норм и установлений. При этом полное и однозначное принятие своей позиции в действующей системе (не важно, является человек осужденным или начальником отряда) не противоречит такому строению идентичности. Эта позиция — место человека в системе иерархических отношений — фактически заменяет собой весь комплекс возможных социальных идентичностей. И здесь мы можем видеть на первый взгляд парадоксальное, но на самом деле весьма органичное соотношение “тотальной” встроенности в систему на уровне социальной составляющей идентичности и культивируемого “Я”, состоящего из актуальных желаний, эмоций и настроения.

Для представителей другого мира (мира открытого общества) чаще имеет значение идентификация со своей профессией, хобби, религией, идеологией, с сообществами абстрактного и идейного типа. Другими словами, структура их идентичности имеет более развитый социальный компонент, а значит их действия имеют внешнюю опору в культуре. Этнос больших и малых сообществ становится их личностной опорой, а их “Я” окружено различными социальными установлениями.

Это различие в структуре идентичности ярко проявляется и в повседневности. От “завсегдатаев” исправительных учреждений редко услышишь упоминания о своей профессии (разве что о месте прежней работы) — и не только из-за частой смены или бессодержательности занятий, но и потому, что эти люди не мыслят себя через профессию, дело, работу. При этом они легко вписываются в предлагаемые социальные, в том числе рабочие, позиции, схватывая “норму” поведения в конкретной ситуации: начальник — подчиненный, осужденный — работник исправительного учреждения. Но большинство из этих идентификаций теряет свое значение, как только заканчивается актуальная ситуация их действия. Жесткость социальных ролей и подчинение

им компенсируется их формальностью и временностью: голое эго одевает их как необходимый атрибут выживания.

Представители мира открытого общества чаще интересуются и рассказывают о “прошлых занятиях”, политических взглядах, вероисповедании и т. д., обозначая их при этом как важные аспекты “Я”. Они чаще апеллируют к социальной роли как основанию своих действий и несут с собой эту идентичность, даже когда актуальная ситуация не позволяет подкреплять ее активной практикой. Приноравливаясь к условиям заключения, представители мира открытого общества ищут возможности сохранить связь со своим сообществом и любимым делом. Чаще всего это письма, дневники, книги, которые пишутся в заключении. Кто-то рисует или поддерживает связь со своим бизнесом — теперь в качестве удаленного консультанта. Таким образом воспроизводятся связи и идентичность.

В каком-то смысле описанная оппозиция двух строев идентичности сходна с оппозицией обычного человека и сверхчеловека в концепции Ницше. Эта аналогия может быть принята довольно условно (особенно в отношении антипода сверхчеловека), однако противопоставление человека, скованного культурой и социальными нормами, и человека, воля которого является единственным основанием его действий, хорошо передает суть этой оппозиции. Ведь несмотря на то, что для ницшеанского сверхчеловека вершина воли и власти на ее основе есть результат усилия и саморазвития, речь идет именно об индивидуальной воле, подчиняющей себе общественные нормы и творящей новые нормы по собственному усмотрению. Примечательно, как об одной из заключенных говорили ее подруги: “Мощная была женщина, крутая! Ей на все было пофиг. Делала что хотела”.

Своеволие и долженствование культуры — два полюса, которые в своем абсолюте образуют различные структуры идентичности. Интересно, что если современникам Ницше субъективность сверхчеловека казалась неоправданной эксцентрикой, то уже в XX, и особенно в XXI веке индивидуальность и субъективность становятся приемлемыми, и даже социально желательными характеристиками человека нового мира. Однако мы видим, что идентичность, в структуре которой превалирует личностная составляющая, не только способствует самореализации, но и может облегчать ассимиляцию с такими социальными организациями, как ОПС. Тогда как связанность с этосами, нормами, ценностными и поведенческими установками тех или иных сообществ становится точкой сопротивления для такого культурного поглощения.

Особый строй идентичности, характерный для ОПС, системно связан с “методами воспитания”, лежащими в основе белорусской

системы исполнения наказаний. Эта система построена на подчинении, или скорее дрессировке, обуздании чувств, воли, характера. “Идеальный” осужденный (а в пределе — идеальный для системы человек) — это тот, кто сдерживает своеволие, желания, настроения и, в принципе, свое “Я”. Сдерживает, пока находится в подчиненном положении. А как только он оказывается в положении начальника, то именно они становятся основаниями действий, полностью адекватных этой системе. Кроме того, налагаемые обязательства и требуемые формы поведения не связаны с их ценностным или содержательным принятием, с освоением представлений о том, что есть добро и зло. Это следует из того, что большинство норм не содержит в себе причин и смысла и направлено исключительно на организацию практики подчинения.

Внутренняя иерархия ОПС может быть описана как иерархия личной власти, способности подчинить других своей воле, навязав им свои правила и нормы. И естественно, что для властвующих необходимы подчиненные, а восхождение по социальной лестнице в этой системе равносильно обретению все большего масштаба влияния для реализации собственных желаний, целей, интересов и т. д. Поэтому и техники воздействия соответствуют структуре идентичности, превалирующей в мире ОПС. Если идентичность построена как преимущественно личная, субъективная, то влияние может и должно быть организовано как управление настроениями, эмоциями и желаниями. Если же идентичность строится на социальных нормах, то для изменения личности требуется апелляция к ним.

В насаждении желаемой идентичности ОПС опирается на целый арсенал административных практик, поэтому противостояние миров здесь приобретает особый драматизм. Вероятно, в условиях лишения свободы, когда связь с внешним миром совсем призрачна, в этой борьбе за сохранение идентичности требуется особое мужество и сила, взаимная поддержка и солидарность заключенных. В условиях ограничения свободы связь с внешним миром поддерживается значительно лучше, и это даёт дополнительные основания и подпитку для удержания своей идентичности. Способность представителей мира открытого общества сохранять себя в этих условиях показывает, что структура их идентичности внутренне устойчива и способна выдерживать агрессивное воздействие. Если ОПС опирается на силу инстинкта самосохранения в условиях борьбы всех против всех, то другой мир черпает силы в культуре, в сфере идеального и в солидарности тех, кто к ним причастен.

(Не)совершеннолетие и критическое мышление

“Вы забыли, где вы находитесь? Это вам не детский сад!” — звучит окрик начальника отряда. Впрочем, на его месте может быть любой из работников учреждения. Удивительно, но “детский сад”, “пионерский лагерь” — это те образы и аналогии, которые часто приходят на ум в исправительных учреждениях. Однако удивительно это только на первый взгляд: когда проходит шок первых дней, одним из главных и постоянных ощущений становится ощущение потери самостоятельности. Несвобода здесь состоит не только в запертых дверях, но и в том, что всякое, даже самое элементарное действие подлежит контролю и согласованию, а в большинстве повседневных, рутинных, в том числе физиологических, операций человек оказывается зависимым от других людей. Тебя кормят, водят помыться и погулять — буквально “за ручку”, включают и выключают свет, проверяют заправленные кровати и постоянно пересчитывают. Любая нужда или потребность требует обращения к тому, кто разрешит или запретит, отведет, выдаст острый предмет и проконтролирует его возврат. Конечно, все это сопровождается недетскими обстоятельствами, разрушением приватности и унижением достоинства, но такая потеря самостоятельности невольно наводит на мысль об отношениях “взрослый — ребенок”. И этот момент стоит рассмотреть отдельно и особенно. Если контроль, надзор, ограничения — это часть наказания, то культивирование “детской” несамостоятельности — это одна из ключевых характеристик самой системы, построенной по образцам ОПС.

Применяемые в белорусских исправительных учреждениях практики надзора и контроля призваны не только сдерживать неприемлемые порывы и действия со стороны осужденных, дисциплинировать их и организовывать совместную жизнедеятельность. Одна из основных целей этих практик — задавать желаемый образ человека и приближать осужденных к заданному образу, то есть воспитывать. Воспитание — одна из ключевых функций системы исполнения наказаний, но желаемый образ воспитанника характеризуется здесь чем-то вроде кантовского “несовершеннолетия” — неспособностью пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого (Кант 1966). Идеальный, с точки зрения системы, член белорусского общества ищет основания для своих решений и поступков в обязательствах, запретах и прочих писаных и неписаных правилах, которые организуют канву его жизни и фактически заменяют ценностные и моральные ориентиры. При этом распоряжения начальства задают смысл и содержание действий для всех, кто находится на более низких ступенях иерархии.

Кроме предписаний и распоряжений, поведение участников системы диктуется еще двумя основаниями. С одной стороны, это собственные чувства, эмоциональные порывы, настроение, а с другой — опыт, складывающийся в персональные поведенческие тактики и стратегии. Выплескивающиеся эмоции порой создают ситуации противостояния требованиям и правилам, а реализация собственных желаний становится маркером статуса, достижением. Но каким бы ни был этот статус, воля человека, занимающего более высокое положение в иерархии, всегда будет выступать законом и основанием норм жизни. Чтобы совместить жесткость правил с потребностью в самовыражении и проявлении своего “Я”, люди нарабатывают собственные тактики поведения: где что сказать, как себя повести, что стоит делать, а что — нет. Обычно это достаточно простые правила для разных жизненных ситуаций, позволяющие лавировать и выживать. Выживание и самосохранение, собственно, и задают смысл и содержание действий всех, кто оказывается в мире заданных обстоятельств.

Все материалы, направленные на духовное развитие и перевоспитание осужденных (фильмы, темы лекций, конкурсов, дискуссий, а также темы для индивидуальных бесед), берутся строго из предложенного “свыше” списка, никак не соотносясь с актуальной ситуацией, интересами, потребностями, качествами и компетенциями задействованных лиц. Это приводит к бессмысленности и неадекватности содержательного наполнения большинства воспитательных мероприятий, которые выполняются “для галочки”.

Полное пренебрежение к содержанию — закономерный итог выстроенной системы “несовершеннолетних”.

Для ребенка носителем норм и смыслов выступает кто-то старший. Но в описываемой системе “старший” — это не взрослый, а всего лишь транслятор. Через него спускается норма, которую он не может критиковать и изменять. Он просто старший несовершеннолетний. Так образуется сообщество тех, кто транслирует и исполняет, но не создает нормы и основания своей и совместной жизни и не рефлексировывает относительно данных норм.

- Не шумите. Начальник придет, и мне влетит за вас.
- Делайте те упражнения, которые написаны. А то придет проверка и увидит, что вы что-то не то делаете.

Эти типичные реплики со стороны администрации. Здесь причины и основания тех или иных требований лежат не в общей норме, не в представлениях о доблестях и пороках, а в страхе перед начальством или возможной проверкой.

Психолог Лоуренс Кольберг, развивая идеи Жана Пиаже и Льва Выготского, выделял несколько стадий формирования

морального сознания ребенка. На первой стадии ребенок слушается, чтобы избежать наказания (Kohlberg 1973). На второй — руководствуется соображениями наивной гедонистической выгоды: послушание в обмен на какие-то конкретные блага и поощрения. Первая и вторая стадия образуют доконвенциональный уровень нравственного развития. Третья стадия — это стадия “хорошего ребенка”, движимого желанием одобрения со стороны значимого ближнего окружения и боязнью их осуждения. На четвертой стадии работает установка на поддержание установленного порядка: “Хорошо то, что соответствует правилам”. Третья и четвертая стадия соответствуют конвенциональному уровню. И лишь на постконвенциональном уровне мораль становится “автономной”, а моральное решение переносится внутрь личности. Так, пятая стадия характеризует человека, который осознает относительность и условность нравственных правил и требует их логического обоснования. Шестая же стадия может быть соотнесена с кантовским совершеннолетием, когда формируются устойчивые моральные принципы, соблюдение которых обеспечивается собственной совестью безотносительно к внешним обстоятельствам, расчетам или иным соображениям.

Приложив эту градацию к исследуемому здесь обществу, можно увидеть в лучшем случае уровень конвенциональной морали. И это касается не только моральных решений в актуальных обстоятельствах, но и представлений о желаемом, идеальном мире и его организации. Этому уровню соответствуют наиболее распространенные реакции на замечания. Чаще всего это апелляция к тому, что делают другие, и требование о восстановлении “справедливости”: “Почему я второй раз иду убирать, а они не ходят?”, “Это не я” и т. д.

Порядок, чистота и гигиена в исправительных учреждениях практически возведены в культ. Это не означает, что все их соблюдают или что для их поддержания созданы надлежащие условия. Речь скорее о том, что обвинения в нечистоплотности или отсутствии порядка очень распространены и часто служат способом выразить недовольство или начать конфликт. Обыски превращаются в поверку порядка и опрятности. Умение содержать себя и свои вещи в чистоте — первое самостоятельное действие, которому обучают ребенка. Это то, что раньше всего переходит в сферу ответственности маленького человека, и установление внешнего контроля в сфере гигиены является символическим, но очень наглядным возвращением человека в детское состояние.

“Когда работник делает вам замечание, не надо пререкаться. Что вы пытаетесь доказать? Что работник не прав? Вы думаете, что вы это докажете, и он ответит ‘Извините, вы правы’?” — в этой бесхитростной тираде выражена суть асимметрии в коммуникации,

принятой в исправительных учреждениях, ее принципиальная антидиалогичность. В этой системе, которая построена на отвержении критики, сомнения и мышления, даже в максимально неформальной коммуникации задано неравноправие участников. Одна сторона говорит — вторая внимает, подтверждая свою активность согласием. Мужество пользоваться собственным умом не является доблестью ни для воспитуемых, ни для тех, кто занимается наставлением их на путь истинный. В доблести возведено послушание. Даже мероприятия, называемые “дискуссиями”, проходят в режиме, напоминающем плохие уроки в младшей школе: назидательные сообщения и вопросы на повторение и воспроизведение услышанного.

Очевидно, что выхолащенное содержание и отсутствие возможностей даже для минимального диалога становятся причиной и местом столкновения рассматриваемых нами двух миров. Для мира открытого общества критическое мышление является одной из ключевых ценностей и почти идеологией. Даже при отсутствии у его представителей развитой рефлексии или способности к критике, сама практика диалога, дискуссии и высказывания позиции прочно закреплена в образе жизни и нормах поведения. Задавать вопросы “в чем смысл?”, “почему?”, “зачем?” и предлагать свои идеи, как сделать лучше, является для них привычкой, что вызывает недовольство, а порой и агрессию, со стороны как сотрудников, так и осужденных, принявших существующие правила.

В таких столкновениях у Иных неизбежно возникает дилемма образа действия, которая затрагивает моральные установления личности. С одной стороны, для сохранения собственной индивидуальности и достоинства необходимо сохранение рефлексии, критического мышления и возможности жить своим умом или хотя бы иметь ситуации его применения. Этого же требуют и ценностные, идейные установки противостояния системе. Кроме того, от способности задавать вопросы и искать смысл не такто легко отказаться. Эти интеллектуальные навыки подобны навыку езды на велосипеде: раз его приобретаешь, человек уже не может все забыть и разучиться (если, конечно, мы не говорим о полной деградации и распаде личности). С другой стороны, “несовершеннолетие” — это не ошибка, не недостаток развития, не промах, а сущностная черта системы. Более того, сообщество несовершеннолетних, возможно, является одним из базовых оснований данной системы (ОПС).

Оказавшись в ситуации запрета на восстановление смысла, запрета на рефлексию и критику, человек вынужден выбирать свою тактику и стратегию поведения. Одна из распространенных стратегий — внутренняя эмиграция или игнорирование, выставление стены между своим миром и миром вокруг. После нескольких

неудачных попыток что-то противопоставить окружающей бессодержательности или получить ответ, человек отстраняется и перестает воспринимать происходящее всерьез.

Здесь могут помочь все те минимальные возможности, которые позволяют создавать и поддерживать неформальные лакуны осмысленности, где прежние практики критического мышления работают и дают человеку возможность сохранять себя. Это прежде всего поддержание коммуникации с подобными себе и связи с внешним миром или постоянный диалог с миром внутренним. Однако такая стратегия требует усилий по удержанию двух реальностей, что не всегда удается, особенно если учитывать, что окружающая система не пассивна, а нацелена на подчинение и поглощение Иных.

В описанной стратегии есть еще один важный момент. Если на уровне системы в целом “борьба” с ней бессмысленна, то в отношении отдельных людей это не так. Никто не поглощен системой полностью, а идеями Просвещения и ценностью мышления проникнута вся современная культура, поэтому их не так-то просто вытравить и подменить. И когда кто-то спокойно, не напоказ, но уверенно сохраняет свой образ жизни и мысли, это становится естественной оппозицией окружающей бессмысленности. Такое поведение притягивает единомышленников, а с учетом возросшего разнообразия в контингенте учреждений, позволяет надеяться на формирование социальных лакун для “совершеннолетних”. Однако следует понимать, что это все же стратегия самосохранения, выгораживания своего пространства, но не экспансии.

Есть и другая стратегия. Ее часто выбирают те, кто и в прежней жизни регулярно сражался с системой через различные юридические процедуры (жалобы, иски и т.д.) и теперь продолжает отстаивать свои права в условиях заключения. Безусловно, это служит серьезным раздражителем как для администрации, так и для других осужденных. Администрация борется с такими проявлениями своими дисциплинарными мерами (переселение в другую камеру, лишение переписки, постановка на учет), отписками или поиском оправдывающих свои действия норм⁴. Осужденные же часто не понимают оснований возмущения (особенно когда это касается вторжения в приватное, нарушения прав человека) и видят в таком поведении высокомерие и попытку получить какие-то

4 Известны и более радикальные действия — обвинения в злом неповиновении сотрудникам администрации, которое ведет к ужесточению режимов наказания и дополнительным срокам. Такая практика распространена даже в отношении тех, кто не придерживается подобной стратегии, но является публичной персоной и оказывается в условиях дополнительного прессинга посредством такого рода обвинений.

привилегии. В случае конфликта с администрацией часто возникают ситуации коллективной ответственности. Таким образом вырастает противостояние между осужденными.

Пытаясь добиться ответов на свои вопросы и доказать свою правоту, люди часто игнорируют природу и суть системы, ее принципиальную установку на “несовершеннолетие” всех участников. Стратегия предполагает, что происходящее является нарушением установленных правил и норм, а не самими правилами и нормами. Тем не менее, апелляция к законам и установлениям позволяет избравшим этот путь удерживать некоторый порядок и смысл в организации окружающего их мира (пусть и заданный актуальными правилами). Безусловно, есть и те, кто выбирает путь подчинения системе, отказываясь от смысла и содержания.

“Несовершеннолетие” логично распространяется на сферу политических взглядов и, в целом, представлений об обществе и его устройстве. Мир ОПС характеризуется сознательным отказом получать информацию, разбираться и иметь собственное мнение: “Я в этом ничего не понимаю”. Такой отказ отчасти может быть связан с опасением высказывать определенные взгляды. Но в гораздо большей мере это следствие отсутствия потребности иметь позицию и мнение о том, что не связано напрямую с актуальной, насущной жизнью. Большие, абстрактные, “воображаемые” сообщества и ситуации не требуют от человека интеллектуальных усилий и внимания, поскольку не включены в его жизненный мир.

Однако полностью отказаться от мнения по различным общественным и политическим вопросам невозможно, и тогда на помощь “несовершеннолетним” приходят клише, которыми изобилуют телевидение и Интернет. Если для представителей системы исполнения наказаний источники “правильных ответов” и сами ответы заданы идеологической прокачкой и контролем, то у их подопечных отсутствие информационной грамотности обуславливает совершенно рандомное сочетание различных клишированных позиций, которое изобилует противоречиями, мало смущающими носителей мнений.

Ханна Арендт, анализируя “банальность зла” (Арендт 2008), подмечает одну характеристику сознания Эйхмана⁵: он говорит и, главное, мыслит клишированными фразами, лозунгами или крылатыми выражениями, как бы подбирая их из памяти в каждом

5 Адольф Эйхман — офицер СС, начальник отдела, непосредственно отвечавшего за преследование, изгнание и депортацию евреев и “окончательное решение еврейского вопроса”. Суд на А. Эйхманом состоялся в 1961 году в Иерусалиме. Ханна Арендт в качестве корреспондента *The New Yorker* присутствовала на суде, делала репортажи, а затем на их основе написала книгу “Эйхман в Иерусалиме. Банальность зла”.

случае, когда требуется объяснение ситуации или собственных действий. Она отмечает его неспособность соотнести одно клише с другим, даже если они противоречат друг другу. Отсутствие рефлексии и критики как операции мышления оставляет Эйхмана, идеального исполнителя машины “окончательного решения”, в несовершеннолетнем состоянии — в состоянии неспособности нести ответственность за свои действия.

Отношения и связи

Оказавшись внутри пенитенциарной системы, человек попадает не только в функционирующую машину следствия, наказания и исправления, но и в общественное тело с его многочисленными внутренними связями и отношениями, группами и структурами. Их невозможно описать и проанализировать в столь небольших заметках, но можно отметить некоторые важные черты.

Первое, что обнаруживается в этом общественном теле, — это удвоение мира социальных отношений, наличие в нем формальной и неформальной структуры, которые построены на нередко противоположных правилах. Формальная структура определена многочисленными документами и предписаниями, и главный водораздел в ней проходит по линии “администрация — осужденные”. Это разделение непреодолимо: перехода из одного класса в другой быть не может. Внутри администрации — своя сложная структура иерархической подчиненности и деятельностного разветвления: начальник (руководитель в целом), оперативники, специалисты “на отряде” (по цензуре и документам, воспитательной работе и т. д.) и дежурные (“продольные”, “гульщики” и т. д.). Но несмотря на разные компетенции, для осужденных все работники администрации предстают неким монолитом, отделенным непроницаемой стеной. Все они “начальники” — причем именно “начальники”, а не, скажем, “руководители”, поскольку объектом подчинения здесь выступает сам человек и его личность, а не деятельность. “Я ваш непосредственный руководитель!” — говорит начальник отряда, который не руководит ничем, кроме собственно человеческой жизни. Хотя правильнее сказать — подчиняет себе эту жизнь.

Для представителей мира открытого общества такое руководство просто невообразимо. Поскольку человек не тождественен своей работе или занимаемой позиции, чрезвычайно сложно представить, чтобы кто-то мог управлять (ставить задачи, определять цели, оценивать и т. д.) человеком вообще, а не отдельной стороной его жизнедеятельности. Но в мире ОПС роль человека-начальника ключевая.

В другой части этой структуры — среди осужденных — нет формальных иерархий и все равны. Выделяются лишь “должности” председателя совета отряда и руководителей различных секций (организация быта, организация досуга). Руководители секций, имея минимальную власть и минимальные ресурсы для управления, являются ответственными за те или иные аспекты коммунальной жизни и выступают удобным каналом коммуникации между администрацией и остальными осужденными. Такая приближенность к администрации придает небольшой группе некоторую “элитарность”.

Социальная жизнь осужденных организована таким образом, чтобы имитировать самоорганизацию. Более всего это напоминает советскую школу с ее квазиобщественными организациями (пионерией и комсомолом), которые при полном отсутствии самостоятельности должны были имитировать общественную жизнь. Так и здесь: осужденный должен состоять в какой-либо секции, регулярно собирается “совет отряда”, решения которого толком ни на что не влияют, так как все вопросы решаются администрацией. В этой удивительной симуляции “общей жизни” игнорируется существенная деталь: люди находятся здесь не по собственной воле. И сообщество, изображаемое совокупностью принудительно собранных людей, является лишь формальностью, в которую никто не верит. Однако иногда администрация использует эту фиктивную общность в риторических целях, призывая к тому, чтобы “сами внутри договорились и решили”. Это редко приводит к каким-либо результатам, так как отношения между осужденными являются по своей сути коммунальными, а не общинческими. Здесь ключевым является принцип индивидуального выживания в условиях скученности, но не общность по какому бы то ни было осмысленному основанию.

Отношения между осужденными и администрацией регулируются целым комплексом правил и норм. Они обрушиваются на новоприбывшего и буквально парализуют его, так как вместе с иными нормами образуют невообразимое количество условностей и ограничений, часто не имеющих никакого смысла и логики. Эти правила касаются внешнего вида, приветствий и иной коммуникации, необходимых и “правильных” поз (где находятся руки, как стоять), распорядка и режима дня и т. д. Они становятся главным инструментом в том, чтобы приструнить осужденного, так как запомнить и выполнять их довольно сложно в силу бессмысленности.

Существуют также неформальные отношения между администрацией и осужденными. Они представляют собой смесь вражды и подобострастия, которые сменяют друг друга с удивительной быстротой. Вот только что горячо обсуждали скверный характер,

придирки и “непопулярные решения” дежурного, а через пять минут можно услышать льстивый и шутливый разговор с ним же — что-то вроде игры в друзья, но, разумеется, не на равных.

Здесь можно наблюдать некое подобие стокгольмского синдрома — установление односторонней или взаимной связи между осужденным и тем, кто имеет фактически полную власть и контроль над его жизнью. Начинается эта связь с интереса к облику, привычкам, семье, личной жизни работника администрации. Особенно ярко это проявляется в СИЗО, где граница между заключенными и теми, кто их охраняет, обозначается закрытыми дверями камеры. Обрывки разговоров, наблюдение за поведением и внешностью, сплетни, гуляющие по СИЗО, позволяют узнавать детали личной жизни работников или строить догадки о ней. Это превращается в тему для обсуждения в камере, а тот, кто, находясь за дверью, сторожит и надзирает, становится частью внутрикамерной жизни, но уже в своей человеческой, а не функциональной ипостаси. Интерпретируются его слова, интонации, взгляды. Это служит расширению мира, на долгое время ограниченного камерой с несколькими людьми.

Осужденные между собой часто называют работников администрации по имени, причем “по-домашнему”: Леша, Саша, Оля. Эта иллюзорная простота и близость как бы разрушает барьер и сокращает дистанцию между осужденными и работниками системы, вводя последних в круг человеческих отношений, в близкий круг заключенных и осужденных. Чаще всего эти “отношения” существуют лишь в сознании осужденных, помогая им “нормализовать” актуальный жизненный мир, тогда как в реальных взаимоотношениях с администрацией никакой близости, простоты и панибратства нет, а установленные правила и иерархии остаются первичными и неизменными.

Однако стоит отметить, что представители надзирающих и карающих органов также порой склонны к установлению более близких и неформальных отношений с отдельными заключенными. Часто это начинается с конфликта, столкновения характеров, а затем перетекает в несимметричное, но взаимное “задевание”, ощутимую вольность в обращении, легкий грубоватый флирт, который, однако, может быть в любой момент прерван со стороны работника администрации. Установившиеся особые отношения предоставляют заключенному определенный карт-бланш в просьбах и решении вопросов.

Судя по всему, в этих параллельных официозу отношениях есть заинтересованность у всех участников системы. Причиной тому могут быть как отдельные человеческие характеры, так и системные свойства рассматриваемых сообществ, в которых расчеловеченные функциональные отношения компенсируются

неформальными. Одни находят в этом реализацию своих психологических потребностей, другие — выгоду.

Один из работников любил затевать “дружескую” беседу во время построений. Утренние и вечерние проверки в его исполнении всегда сопровождались комментариями по поводу чьего-либо поведения, внешнего вида, вопросами и небольшими беседами с отдельными осужденными, которые работник вел в покровительственном, назидательном или даже шутиливом тоне. Было очевидно, что это регулярное маленькое шоу необходимо прежде всего ему самому — возможно, для создания и поддержания иллюзии собственной человечности. Но эти отступления резко прекращались по причине плохого настроения или по формальным обстоятельствам. И вся недавняя любезность смывалась волной восстановления формальной иерархии. Тем не менее, очевидно, что “относиться по-человечески” — это важная для администрации часть собственного имиджа, какой бы извращенной ни была такая человечность.

Внутри сообщества осужденных также выстраиваются свои неформальные отношения и микроструктуры. Здесь образуются свои пары и группки, которые часто имеют прагматичный временный характер, даже если не лишены симпатий и дружеских чувств. Во-первых, люди объединяются для решения бытовых вопросов. Во-вторых, есть “естественные” объединения тех, кто вместе работает или спит рядом. Однако такие объединения, как правило, неустойчивы в силу многих причин, в том числе и потому, что индивидуальные судьбы здесь находятся в руках не самих осужденных. Их переселяют, переводят на другие работы или меняют графики, освобождают или меняют наказание — и образовавшиеся связи, иногда внешне очень тесные, распадаются быстро и, чаще всего, не западают в душу особенно глубоко.

Есть еще один тип отношений внутри сообщества осужденных. Возникая, они создают внутреннюю неформальную иерархию. Строятся эти отношения на том, что претендент на “лидерство”, окружает себя теми, кто готов оказывать мелкие услуги и всячески помогать, создавая своеобразную свиту. С этой целью к новоприбывшей через некоторое время начинают обращаться с различными мелкими просьбами, которые, кроме всего прочего, имеют разведывательный характер. Если просьбы выполняются, то можно переходить к более серьезным поручениям. Можно безошибочно отличить обычные просьбы от такого прощупывания границ с целью навязывания соответствующей модели отношений. Если такие отношения будут установлены, то “лидер” получает себе помощника и возможность переложить свои дела на кого-то другого, повышая таким образом свой статус. Интересно, что иногда новоприбывшие — чаще это завсегдатаи пенитенциарной

системы — сами бросаются оказывать мелкие услуги “старожителям”, проактивно ища их покровительства.

Два описанных типа отношений существуют параллельно, образуя внутри сообщества осужденных горизонтальные и вертикальные структуры. Представители мира открытого общества редко включены как в первые, так и во вторые. Их связи внутри сообщества имеют преимущественно функциональный характер, хотя порой возникают и сильные привязанности, в том числе в силу сближающего образа жизни, норм поведения или интересов как за стенами исправительного учреждения, так и внутри него. Такие осужденные, притягиваясь естественным чувством принадлежности к другому миру, нередко образуют собственное микросообщество. Но если кто-то специально не противопоставляет себя окружающим, то границы такого микросообщества не жестки и с первого взгляда не видны.

Наличие формальных и неформальных структур характеризует все общественные организмы, и пенитенциарная система в этом отношении, безусловно, не уникальна. Но здесь важно само соотношение формального и неформального. В рассматриваемой системе формальное и неформальное не дополняют и не усиливают друг друга, а скорее являются еще одним инструментом реализации сути этой системы. Постоянное переключение регистров формального и неформального оставляет правила и нормы неопределенными, что, в свою очередь, облегчает манипулирование. Тот, кто обладает большей властью, может использовать все разновидности связей и своей волей решать, какие из правил сейчас будут разыгрываться.

Приватное и публичное

“Голый шмон”⁶, открытый унитаз, который виден всем находящимся в камере, камеры видеонаблюдения повсюду — все это яркие и очевидные проявления грубого вторжения в личное, приватное пространство заключенных и осужденных. Они ошарашивают вновь прибывших, вводя в шоковое состояние утраты себя, своих границ. Но это полное и демонстративное презрение к личному, интимному миру — лишь видимая сторона происходящего.

Игнорирование и отрицание личного пространства, отмена приватности, растворение индивидуальности в коллективном теле — это, пожалуй, одна из ключевых характеристик мира ОПС и одна из главных форм подчинения и наказания в белорусской

6 Обыск с полным раздеванием, приседанием и проверкой всех интимных мест.

пенитенциарной системе как микромоделю этого мира. Личная автономия здесь достигается лишь на вершине социальной пирамиды. Там позволено не только устанавливать правила, реализовывать свою волю, желания и потребности, но и удерживать, сохранять личные границы, тогда как всякий, кто находится в подчинении, полностью открыт для того, кто властвует. Границы приватного — так же как и возможности для самовыражения и самореализации — напрямую зависят от места человека в иерархии. И это находится в полной противоположности к устройству мира открытого общества, в котором личные границы оберегаются как атрибут индивидуальности человека, вне зависимости от социальных статусов. Приватное пространство, чувство собственности по отношению к своему телу, сексуальности, душевной и духовной жизни фундаментальны для автономии и индивидуальности, которая является одной из ключевых ценностей открытого общества, почти святыней. Современная (западная) культура возводит личное пространство в культ, строя вокруг него нормы взаимоотношений, этики и толерантности. На неприкосновенности границ этого пространства держится осознание человеком своего достоинства, а меры по защите этих границ все активнее закрепляются не только в социальных, но и в правовых нормах. Здесь можно вспомнить законы о защите персональных данных и этику в отношении приватного как в физиологическом, так и в психологическом отношении. Противоречия между двумя мирами превращают “личные границы” в один из ключевых фронтов, на котором эти миры сталкиваются внутри белорусской тюрьмы.

Действия пенитенциарной системы (которую, напомним, мы рассматриваем как модель белорусского государства) в сфере приватности направлены на две цели. Первая — стирание границы приватного, снятие защитного барьера для обеспечения возможности проникновения в эту сферу как властвующих, так и сотоварищей (модель советской коммуналки удивительно точно соответствует тому, как здесь организована жизнь). Вторая цель — унификация, нормализация и уничтожение уникальности и разнообразия в сфере приватного. То есть стоит задача не только открыть доступ к интимному, но и привести его к норме через оценивание, одобрение или неодобрение.

Приватность и интимность разрушаются сразу по нескольким направлениям: тело, личные отношения, сфера духовного, душа и сознание. Первичным инструментом в “работе” с телесностью является такая организация пространства и времени (режим), которая полностью лишает человека возможности даже условного уединения. Большие комнаты или маленькие камеры устроены так, что нет никакого уголка, позволяющего сохранить минимальную интимность. Спаренные (установлены по две вплотную друг

к другу) кровати создают неожиданную и вынужденную телесную близость между совершенно чужими людьми. Нет границ для звуков и для взглядов, а для администрации работают видеокамеры.

Чисто физическое отсутствие границ интимности дополняется, приобретая особую унизительную силу, отсутствием элементарной человеческой деликатности по отношению к чужому телу. Наоборот, различные индивидуальные особенности, физиология, состояние здоровья, болезни и т.д. являются предметом взаимного внимания, обсуждения и нередко используются для шуток, ироничных насмешек и, конечно, конфликтов. Физическое состояние здесь часто становится главным объектом внимания и, соответственно, постоянным предметом коммуникации. А разрушенная граница делает телесное, физиологическое нарочито общим, выставленным напоказ.

Можно было бы подумать, что такая открытость жизни диктуется обстоятельствами, ограниченными ресурсами и целями контроля и предупреждения противоправных действий со стороны осужденных. Однако нерадивость реализации такого контроля показывает, что значительная часть мер по разрушению приватности, обысков, проверок и видеослежений не имеет никакого смысла. Здесь вспоминается выражение “строгость законов смягчается необязательностью их исполнения”. Но и это не совсем так: “исполнение” здесь просто служит другим целям. Регулярные обыски превращаются в проверку порядка в шкафчиках и поводом выставить “нерях” для публичного высмеивания и порицания. Личные досмотры отдельных категорий осужденных проводятся примерно раз в неделю. Служат они исключительно установлению контроля — но не над действиями, а над личностью, и суть не в результате проверок, а в самом акте вторжения в личные телесные пространства.

Тело отчуждается от личности, становится общим, не защищенным никакими барьерами. Единственным надежным местом уединения является кабинка туалета. Правда, она представляет собой ценный общий ресурс, пользование которым имеет свои ограничения. Хотя в некоторых камерах СИЗО и это место имело “полуоткрытый” формат.

Вторжение в личное пространство касается не только телесности. Оно столь же ощутимо и в сфере сознания, духовной, душевной и личной жизни. Общее пространство и отсутствие какого-либо социального зонирования делает подробности отношений осужденных достоянием общности. Такая видимость и слышимость порой порождает нарочитую громогласность в обсуждение своей жизни.

На уничтожение приватности работает не только организация пространства. Публичное обсуждение личных обстоятельств

осужденных — частая практика для работников. Так, они могут публично расспрашивать о семье, детях, планах на жизнь, мечтах или представлениях о счастье. Чаще всего осужденные ограничиваются формальными и ничего не значащими ответами, но так бывает не всегда. У многих из них обстоятельства попадания в исправительное учреждения связаны с личными драмами и психологическими травмами. Когда они обнажаются и выставляются напоказ беспардонными комментариями и оценками, возникают напряженные ситуации и срывы.

Еще одна форма узаконенного вторжения в мир личных отношений — это цензура почтовой корреспонденции. Но если в СИЗО цензор дистанцирован от заключенного (осужденного) и осуществляет свою функцию обезличенно, то в исправительных учреждениях часто сотрудник, который читает твои письма, видит тебя каждый день и знает лично. Это переводит вторжение в приватность в другое качество, где контроль сменяется психологической властью. Установка на доступ к душевным переживаниям и личным отношениям реализуется и в регулярных индивидуальных “беседах”.

То, как иерархичность общественных отношений, характерная для пенитенциарной системы, преломляется в сфере приватного, можно образно представить в виде многоэтажного дома, в котором этажи отделены друг от друга стеклом, прозрачным лишь с одной стороны. Те, кто находится внизу, видны как на ладони, но личная жизнь обитателей более высоких этажей от них скрыта. Статус осужденного помещает человека на самую нижнюю ступень, и это социальное положение начинает иметь значение и вне пенитенциарной системы. Арест и приговор словно бы открывают доступ к твоей жизни для всех. Новый статус каким-то образом меняет взгляд на человека даже у тех, кто непосредственно не включен в эти “тюремные” отношения. Иногда малознакомые, но вполне благожелательно настроенные люди без стеснения задают вопросы, которые точно не стали бы задавать не осужденному. Но в этом статусе ты как бы помещаешься в аквариум, а твоя жизнь лишается какой-либо защиты от посторонних, пусть и сочувственных, взглядов, часто напоминающих любопытство людей, пришедших в зоопарк. В этом смысле характерна практика, распространенная в СИЗО. Там часто по коридорам проходят “экскурсии”: практикантов, студентов и даже школьников приводят знакомить с устройством тюрьмы. Они поочередно заглядывают в глазок, а затем обсуждают между собой увиденное. И даже в отсутствие физического “глазка”, ощущение открытости и незащищенности собственной жизни преследует человека во все время отбывания “наказания”.

Разрушение приватности в мире ОПС, однако, не ведет к публичности. Интимный мир выносится здесь не в публичное, но в коммунальное пространство. Если под “публичным пространством” мы понимаем пространство равенства, разнообразия и согласования различных образов жизни и интересов, то такое пространство не возникает в результате разрушения границ приватного. В этом случае на смену приватности приходят коммунальные отношения, в которых присутствие и скученность людей актуализируют механизмы личного выживания, борьбы за общий и ограниченный ресурс. Коммунальное — это обобщественное, и тем самым уничтоженное, приватное.

Различие в оппозициях “приватное — публичное” и “приватное — коммунальное” также может служить пониманию разности двух миров, которые сталкиваются в белорусской тюрьме. Мир открытого общества по-своему также устремлен к “работе” с приватным — но не к его разрушению, а к большему раскрепощению, снятию табу на проявления того, что раньше не выносилось на публику. Это касается телесности, сексуальности, привычек, образа жизни, представлений. Такой сдвиг от приватного к публичному сопровождается развитием толерантности — принятием разнообразия и воздержанием от оценок. В мире ОПС, наоборот, разрушение границ приватного сопровождается “нормализацией”, т.е. постоянным оцениваем, высказыванием отношения, комментариями.

Для представителей мира открытого общества встреча с этой стороной пенитенциарной системы часто самая болезненная. Здесь выстраиваются самые стойкие практики сопротивления и модели поведения, которые помогают справиться с ситуацией. По отношению к телесности часто вырабатывается установка “это должно быть унижительно для тех, кто подсматривает”, хотя посягательства на интимное пространство не перестают вызывать шок и возмущение. При этом хоть как-либо защитить или оградить от вторжения возможно лишь область сознания и личных отношений. Поэтому представители второго мира практически никогда не ведут громких разговоров, не впускают в свою личную жизнь ни других осужденных, ни тем более работников учреждения. Выставляя барьеры, они закрывают для себя возможности “социальной мобильности” и получения каких-либо мелких послаблений, так как остаются чужими.

Следует сказать, что при всей настроенности системы на обобществление личной жизни, охрана собственных границ в этой области (в отличие от области телесного) часто оказывается эффективной. Это связано с тем, что контроль здесь не подкреплен формальными правилами и по сути нематериален. Он основывается лишь на образе действий и негласной принятой культуре.

Поэтому многочисленные предстатели мира открытого общества, которые, защищая свои границы, демонстрируют иной образ действия и иную этику, невольно корректируют поведение других. В вопросе границ приватного водораздел между мирами часто проходит по человеку, когда одна его часть готова окунуться в коммунальные отношения, а другая продолжает отстаивать собственное пространство и достоинство.

Заключение

Эти заметки, рожденные в ситуации “столкновения миров” в белорусской тюрьме, описывают, главным образом, мир ОПС. Другой мир выступает здесь фоном, или скорее пигментом, благодаря которому мир ОПС прорисовывается более четко и рельефно. С одной стороны, это результат авторской позиции, для которой мир открытого общества – естественная и понятная среда, на контрасте с которой ОПС предстает во всей своей шокирующей непохожести. Однако это не единственная причина. Две стороны, встретившиеся в тюрьме, не являются одноприродными и не равны онтологически. Каждой из них присуща своя картина мира и связанный с ней этический, образожизненный и практический комплекс. Но ОПС – это еще и вполне определенная и простроенная форма социальной организации, которая имеет интенцию к экспансии, агрессивному захвату и подминанию под себя иных картин мира и всего разнообразия связанных с ними образов жизни и общественных отношений. Эта организация и наработанные внутри нее практики и инструменты самовоспроизводства наиболее ярко проявляются в системе исполнения наказаний, однако перспектива их дальнейшего распространения и укрепления в масштабах всей нашей страны вполне реальна. И если присмотреться к ситуациям вне пенитенциарной системы, то можно обнаружить проявление описанных черт, которое становится нормой для самых разных областей жизни. Эта социальная организация требует своего “нового человека”, трансформирует человеческие отношения (от межличностных до деятельностных и политических) и имеет следующие сущностные характеристики.

Во-первых, это иерархичность и вертикальная организация связей. Властование и подчинение – ключевые типы отношений в описываемой системе, тогда как кооперация, солидарность и прочие отношения, построенные по горизонтальному принципу, практически не имеют значения.

Во-вторых, личностное начало (эго) и волюнтаризм. Несмотря на развитую структуру функциональных мест и деятельностных

позиций, множество нормативов и инструкций и высокую степень бюрократизации, реальные социальные процессы здесь строятся и держатся на личных качествах, потребностях, целях и воле к их достижению. Чем выше позиция в социальной иерархии, тем весомее становится личностный компонент и тем больше он подчиняет себе принятые правила, создавая свою собственную систему ориентиров, понятий и норм.

В-третьих, сочетание одновременного эгоцентричного типа идентичности и инфантильности несовершеннолетних. Это сочетание создает идеальные возможности управления и удержания под контролем людей, движимых лишь собственными настроениями, желаниями и волей, но не способными к автономной и нормосообразной практике и социальным отношениям. Тогда внешнее принуждение становится удобной и единственно возможной формой организации отношений и поддержания дисциплины.

В-четвертых — и это крайне важно для понимания сути рассматриваемого общества и перспектив его развития — эта система базируется на особом типе социальных отношений — коммунальных отношениях. Никто не исследовал коммунальность и коммунальные отношения глубже Александра Зиновьева, который характеризует их следующим образом:

“Поведение людей и отношения между ними, обусловленные самим тем обстоятельством, что людей много и они вынуждены так или иначе сталкиваться друг с другом, общаться, распадаться на группы, подчинять и подчиняться. Тут идёт борьба за существование и за улучшение своих позиций уже не в природной, а в социальной среде, которая воспринимается [...] [как] во многом чуждое и враждебное, [...] как нечто такое, что не отдаёт свои блага человеку без усилий и борьбы” (Зиновьев 1994: 32).

Коммунальные отношения выстраиваются и процветают в условиях скученности людей, ограниченности ресурса и установления права силы. Они питаются всем, что лежит за пределами культуры и права.

“Выдуманными и изобретенными являются как раз те средства защиты от коммунальности, из которых вырастает цивилизация, т.е. право, мораль, гласность, религия, гуманизм и прочие средства, в какой-то мере защищающие человека от прочих людей и от власти их объединений. Человек же, как мы его понимаем, произнося это слово с большой буквы и несколько высокопарно, есть существо, искусственно выведенное в рамках цивилизации из той двуногой коммунальной твари” (Зиновьев 1994: 13).

Права и свободы не существуют сами по себе — так же как и культурное разнообразие, индивидуальность и большинство тех ценностей, на которых, как на фундаменте, выстраивается открытое общество. Эти вещи не естественны — в том смысле, что не присущи человеческой природе изначально. Они — результат моральных, интеллектуальных и душевных усилий, которые закрепляются в соответствующей социальной организации, а далее воспроизводятся в поколениях как культура, не переставая требовать усилий даже тогда, когда они кажутся чем-то само собой разумеющимся. В виде системы норм, правил и социальных институтов они противостоят миру, построенному на коммунальности, которая в разные времена облачается в разные формы социальной организованности и закрепляется в социальных институтах, чтобы воспроизводиться и транслироваться в будущее. Одной из таких форм была советская система.

Вместе с Александром Зиновьевым особое внимание коммунальному основанию советской системы уделял Георгий Щедровицкий. Оба философа не только ставили данный диагноз существующей системе, но также — и это крайне важно — прогнозировали развитие и распространение различных форм социально-политической организации, основанных на коммунальности, в будущем. И Зиновьев, и Щедровицкий видели в этом огромную опасность для мира — практически катастрофу, которую недооценивают, сводя коммунистический режим к одной конкретной форме его исторического воплощения, но не видя его природы и корней. Коммунальные отношения, предостерегали они, в ходе исторического развития переплавляются в гибридные социально-культурные формы и организации. Будучи слабо распознаваемыми, эти формы способны проникать даже в те общества, которые принято называть демократическими, и распространяться в них. “В будущем социальные условия будут все более и более ужесточаться” (Щедровицкий 2004: 32). Именно поэтому “люди должны научиться развиваться и усиливать себя быстрее, чем ужесточаются эти внешние условия” (Щедровицкий 2004: 32).

Коммунальное — это та характеристика отношений между людьми, которая идеальном образом становится социальным материалом для разного рода тоталитарной организованности. На ней паразитируют все тоталитарные системы, они выстраивают такие формы организации и общественные институты, которые культивируют коммунальные отношения и не дают выстраиваться иным отношениям. Вглядываясь в мир ОПС, мы понимаем, что это современный инвариант коммунальной организации жизни. В этом смысле десоветизация как процесс трансформации социальных и политических институтов произошла (институты

поменялись), но не затронула основной материал, из которого данные институты вырастают и организуются, — коммунальные отношения. И вот мы видим современную гибридную реинкарнацию (как предполагали Зиновьев и Щедровицкий) того же социального тела.

Беларусский режим часто ошибочно называют последней диктатурой Европы. Ошибка здесь в том, что этот режим — не рудимент и не остаточное явление в процессе демократического транзита, а новая форма общественно-политической организации, которая опробует себя на белорусской почве, но имеет или может иметь гораздо более широкое распространение. Поэтому Беларусь скорее походит на лабораторию, в которой рождается новая социально-политическая организация по модели ОПС. Сначала эта организация охватила белорусское государство, сейчас — стремительно охватывает белорусское общество, а также экспортируется в другие страны и воспроизводится там (иногда в более совершенных формах), накладываясь на современный мир и используя его возможности.

Если сто лет назад коммунальная социальность воплотилась в советской системе и обрела форму соответствующих институтов, то в новом мире она, никуда не исчезая, использует происходящие глобальные изменения для создания новых институциональных и организационных форм. Новые социальные классы, возникающие в процессе разворачивания инновационной эпохи, попадают в условия современных диктатур, которые пытаются превратить общественное устройство по типу открытого общества в общественное устройство по модели ОПС — свой вариант организации коммунальных отношений.

Открытый глобальный мир и замкнутая локальность в равной степени удаляют отдельного человека от мышления масштабами государства, страны, нации, от установки на работу с государственным устройством и ответственности за него. “Десакрализация” таких универсалий, как “право”, “свобода”, “религия” и столь характерный для современности релятивизм сближают глобализированных инноваторов с теми, кто живет в своем локальном мире. В итоге и те и другие оказываются открытыми и податливыми для ОПС. Хотя глубоко интериоризированные ценности свободы, индивидуальности и критического мышления являются для представителей людей глобального мира основой их внутреннего сопротивления. Основным инородным телом в мире ОПС становятся люди, живущие масштабами национального государства, ориентированные на ценности XX века. Они самим фактом своего существования или активными действиями сопротивляются новому общественному устройству, построенному на коммунальности.

Стратегии поведения, которые представители “второго” мира избирают в условиях доминирования ОПС, могут быть экстраполированы на более широкие обстоятельства. Первая стратегия — создание собственного круга, который тщательно охраняет и сохраняет разделяемые внутри него жизненные нормы, картину мира, этические основания и идентичность. Эта стратегия требует недюжинных усилий, особенно когда все окружение действует агрессивно и нет реальных возможностей полностью от него изолироваться. При этом неизбежное взаимодействие с миром ОПС в процессе жизнеобеспечения (работа, физические пространства, ресурсы) строится на стремлении к минимизации зависимости.

Как показывает история, полностью уничтожить все инородное можно лишь путем его тотального физического истребления. Однако по этому пути ОПС не идет: возможно, инстинкт самосохранения подсказывает, что полное уничтожение разнообразия грозит и полным вырождением. Представители открытого общества, со своей стороны, предполагают, что состояние осады является временным и рано или поздно завершится естественным образом или под влиянием внешних обстоятельств, и тогда сохраненные основания смогут развернуться в нормальную организацию жизни.

В условиях белорусской тюрьмы рассматриваемая стратегия становится задачей сохранить себя, минимизировать и максимально формализовать контакты, не принимать близко к сердцу правила, нормы и события, найти внутреннюю подпитку для сохранения собственного взгляда и образа жизни. В этом помогают книги, контакты с близкими доверенными людьми, любимое занятие или дело. Перспективой такого пути является не только сохранение себя, но и медленное расширение “своего” круга, воспроизводство ценностей и создание внутренних квази- или протосоциальных институтов.

Вторая стратегия — улучшение и исправление мира ОПС через настойчивое продвижение своих собственных норм. Эта стратегия находит неожиданную опору в том, что в мире ОПС, часто риторически и формально, присутствует оставшийся в наследие от цивилизованного мира и культуры дискурс прав человека, ценностей индивидуальности и свободы. Это дает “зацепки” для отстаивания всего, что связано с этими понятиями, преобразуя каждую конкретную ситуацию. В такой стратегии есть элементы рыцарства, борьбы и, главное, публичного предъявления иных оснований жизни. Однако здесь есть и свои ловушки. Апелляция к тому, что существует в законах, правилах и установлениях, втягивает избравших данную стратегию в игру на чужом поле, поскольку заставляет признать эти правила и установления своими. В худших случаях это может даже подпитывать систему, создавая

иллюзию ее способности к изменениям. Еще одна ловушка — человеческая. Иногда такой борец зарабатывает особое отношение и статус (обычно — “занозы”), позволяющие ему получать те или иные привилегии, обходить общие правила и, в итоге, занимать свое собственное место в коммунальных отношениях.

Третья стратегия — растворение и приспособление ради сохранения жизни. Часто эта стратегия рассматривается как временная. Но невозможность обустроить человеческую жизнь так, чтобы не вступать в социальные отношения, заставляет так или иначе втягиваться в коммунальную жизнедеятельность и принимать правила игры.

Вопросы совести и договор с ней — неотъемлемая часть каждой из описанных стратегий. Можно сказать, что в этой ситуации нет идеальных решений. Если в первом случае придется закрывать глаза и уши, чтобы не реагировать на все, что претит и противоречит собственным основаниям, то во втором — необходимо “не замечать”, как встраиваешься в чуждую тебе систему социальных и деятельностных отношений и тем самым легитимизируешь ее. В третьем случае необходимо сосредоточиться на витальности.

Модель белорусской тюрьмы показывает, что эффективно противостоять организованной системе может лишь столь же организованная система. И для мира открытого общества это вызов, поскольку того ценностного, этического, мировоззренческого и культурного богатства, которое накоплено на пути цивилизации, самого по себе недостаточно. Масштабное наступление обществ, построенных на коммунальности, бросает вызов человечеству.

References

- Anderson, B. (2016) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostraneni nacionalizma*. Moskva: Kuchkovo pole. — In Russ.
[Андерсон, Б. (2016) *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. Москва: Кучково поле.]
- Arendt, H. (2008) *Banal'nost' zla. Ejhman v Ierusalime*. Moskva: Evropa. — In Russ.
[Арендт, Х. (2008) *Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме*. Москва: Европа.]
- Zinov'ev, A. (1994) *Kommunizm kak real'nost'*. Moskva: Centpoligraf. — In Russ.
[Зиновьев, А. (1994) *Коммунизм как реальность*. Москва: Центполиграф.]
- Kant, I. (1966) *Otvét na vopros: Chto takoe prosveshenie? 1784. V: Kant I. Sochineniya v shesti tomah*. Moskva: Mysl', T. 6: 25–36. — In Russ.
[Кант, И. (1966) *Ответ на вопрос: Что такое просвещение? 1784. В: Кант И. Сочинения в шести томах*. Москва: Мысль, Т. 6: 25–36.]
- Kohlberg, L. (1973) *The Claim to Moral Adequacy of a Highest Stage of Moral Judgment. Journal of Philosophy*, 70(18): 630–646.

- Mackevich, V. (2017) OPG – vmesto rezima, 'ponjatija' – vmesto prava i morali. *EuroBelarus*, 1 aprilja 2017, <https://eurobelarus.info/news/society/2017/04/01/opg-vmesto-rezhima-ponyatiya-vmesto-prava-i-morali.html> (data obrasheniija: 10 oktjabrja 2023) – In Russ.
- [Мацкевич, В. (2017) ОПГ – вместо режима, 'понятия' – вместо права и морали. *EuroBelarus*, 1 апреля 2017, <https://eurobelarus.info/news/society/2017/04/01/opg-vmesto-rezhima-ponyatiya-vmesto-prava-i-morali.html> (дата обращения: 10 октября 2023)]
- Shedrovickij, G. (2004) *Na doskah*. Moskva: Shkola kul'turnoj politiki. – In Russ.
- [Щедровицкий, Г. (2004) *На досках*. Москва: Школа культурной политики]